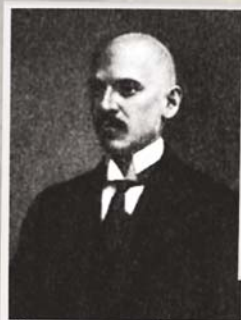

О.И. Киянская, Д.М. Фельдман

Владимир Нарбут

Николай Эрдман

Владимир Масс

Эмиль Кроткий

Михаил Вольпин

Михаил Глушков

Аркадий Бухов

Алексей Гарри

СЛОВЕСНОСТЬ НА ДОПРОСЕ

Следственные дела
советских журналистов и писателей
1920–1930-х годов.

УДК 82(091)
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
К46

Книга издана при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной программы
«Культура России (2012–2018 годы)»

Рецензенты:

В.С. Мирзаханов – доктор исторических наук, профессор;
А.Л. Юрганов – доктор исторических наук, профессор

Киянская О.И., Фельдман Д.М.

К46 Словесность на допросе. Следственные дела советских писателей
и журналистов 1920–1930-х годов / О.И. Киянская, Д.М. Фельдман. —
М. : Неолит, 2018. — 384 с.

ISBN 978-5-6040651-0-5

В предлагаемой вниманию читателей книге публикуются и анализируются уголовные дела советских писателей и журналистов: Н.Р. Эрдмана, В.З. Масса, Эмиля Кроткого (Э.Я. Германа), М.Д. Вольпина, М.А. Глушкова, А.С. Бухова и А.Н. Гарри, а также материалы партийного разбирательства в связи с деятельностью поэта В.И. Нарбута.

Публикуемые документы хранятся в Центральном архиве ФСБ России и Российском государственном архиве социально-политической истории. Материалы эти рассматриваются в историко-литературном контексте, анализируются интриги, обусловившие арест и осуждение каждого фигуранта.

Для историков, филологов, культурологов, социологов и всех интересующихся историей отечественной литературы.

УДК 82(091)
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-6040651-0-5

© Киянская О.И., Фельдман Д.М., 2018
© Издательский дом «Неолит», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	4
«Я жил и работал под дамокловым мечом»: Из материалов персонального дела Владимира Нарбута (1927, 1928 гг.)	40
«ГПУ пришло к Эзопу»: Уголовное дело Николая Эрдмана, Владимира Масса и Эмиля Кроткого (1933 г.)	111
«Сталина я бы убил...»: Из материалов уголовного дела Михаила Вольпина (1933–1934 гг.)	136
Гибель Авессалома Изнуренкова: Из материалов уголовного дела Михаила Глушкова (1936 г.)	154
«Среди всякого говна, выскочек и шпионов...»: Из материалов уголовного дела Аркадия Бухова (1937 г.)	171
«Вся моя сознательная жизнь принадлежала партии и Родине...»: Из материалов уголовного дела Алексея Гарри (1930, 1937, 1938 гг.)	259
Примечания и комментарии	341

ПРОЛОГ

Алгоритм управления

Принято считать, что для истории советской литературы и журналистики определены хронологические рамки. От создания так называемого социалистического государства до его распада: 1917–1991 годы.

Это именно хронологический критерий. Но с 1930-х годов отечественные литературоведы не раз пытались доказать, что формирование советской литературы началось до 1917 года.

Можно спорить, приемлемы ли подобного рода концепции. А бесспорно, что их авторы ориентировались на критерий идеологический.

Был вроде бы уместен и территориальный: опубликованное гражданами советского государства на его территории. Но тут и возникали противоречия. Опять же идеологического характера.

Пример хрестоматийно известный – оказавшиеся вне советской литературы публикации осужденных в 1930-е годы литераторов. Даже после официального признания их невиновности – спустя десятилетия – разрешалось печатать отнюдь не все, опубликованное до ареста. В частности, так было с наследием тех, чьи следственные документы публикуются в нашей книге.

Главным идентификационным критерием советской литературы оставался все же идеологический. Точнее, соответствие тем пропагандистским установкам, что в каждый данный момент диктовались правительством.

На этот критерий ориентировались даже иностранные литературоведы. Признавали, что главное отличие советской литературы от досоветской – идеологизированность. Которая, в свою очередь, была обусловлена жесточайшей политической цензурой.

Однако цензура и в досоветские времена бывала весьма бдительной, и власть российских правителей не ограничивалась законами. Применялись такие меры борьбы с крамолой, как аресты литераторов, длительное их тюремное заключение или ссылка. Аналогично – закрытие периодических изданий. Эффект же оказывался пренебрежимо малым либо кратковременным. При всех цензурных стеснениях публиковалось то, что современники и не только они признавали антиправительственной литературой.

Вроде бы явный парадокс. Естественным считалось в досоветскую эпоху, что легальная, значит, подцензурная литература может быть и антиправительственной.

Правда, этот парадокс отнюдь не очевиден, если русская литература изучается в современном ей общекультурном контексте. Ситуация осмысливается как парадоксальная, когда советский литературный процесс сопоставляется с досоветским.

То, что в досоветскую эпоху считалось немыслимым, удалось советскому правительству. Оно руководило литературой, словно государственной фабрикой. Добивалось исполнения своих требований на уровне содержания и даже формы.

Весьма долго вне сферы внимания иностранных литературоведов оставалась именно система управления. Обычно рассуждали о цензурных стеснениях, мерах устрашения и поощрения, а также сервильности писателей, реализовавших официальные политические или эстетические установки. Но игнорировались конкретные – организационно-финансовые механизмы, обеспечивавшие управляемость. Их постольку не анализировали, поскольку не распознавали.

Как известно, сама процедура распознавания подразумевает сопоставление увиденного с тем, что распознающий уже видел и запомнил ранее. Однако вне советского государства не было аналогов.

Советский литературный процесс иностранные литературоведы сравнивали с досоветским по основаниям количества запретов. И меры подавления тоже сопоставительно оценивались.

Отметим, что досоветский литературный процесс не отличался принципиально от иностранных. С 1830-х годов его основа – торговля полиграфическими изделиями: газетами, журналами, книгами. Рынок. Как везде.

Характеристика же литературного рынка сводима к описанию издательской модели. Это система взаимосвязей основных ее элементов: писателя, издателя, читателя.

Торговля подразумевает некую правовую базу. Применительно к литературе в 1820-е годы она лишь формировалась, но отношения участников российского литературного рынка весьма часто определяла коммерческая договоренность. Издатель приобретал у автора не только рукопись, но и, что главное, права ее тиражирования. На определенный срок или бессрочно.

Покупателем для автора был издатель. Он же был продавцом в отношениях с теми, кто приобретал готовые полиграфические изделия. Оптом или в розницу.

Да, литератор мог и самостоятельно финансировать свои публикации. Но ко второй половине XIX века такие случаи – уже исключения.

Профессиональный литератор продавал издателю право тиражирования своих рукописей, потому что жил гонорарами. Не доходами от имущества, службой или меценатской помощью, как прежде, а литературой.

Разумеется, издатели с ненулевыми политическими и/или эстетическими пристрастиями стремились использовать литераторов для решения своих пропагандистских задач. Это закономерность литературного процесса. В любой стране.

Однако реализации таких устремлений в Российской империи препятствовала конкуренция. Хотя бы относительная независимость литератора от издательского произвола зиждилась на возможности выбирать издателя – среди многих.

В споре автора с издателем решающим был голос читателя, точнее, розничного покупателя литературной продукции. Он буквально «голосовал рублем».

Издательские доходы зависели от читательского спроса. Волей-неволей с ним был вынужден считаться издатель.

Да, издатель был вынужден учитывать и волеизъявления правительства, чьи интересы представлял цензор. Но фактор цензуры не был определяющим.

Инструмент предварительной цензуры в Российской империи – запрет. Предписывать издателю, что надлежит публиковать, цензор не имел права. Издательское предприятие было частной собственностью. Потому владелец мог самостоятельно решать, что производить и продавать – в пределах, определенных законодательно.

Неприкосновенность частной собственности – основополагающий государственный принцип. Досоветский. И российское правительство не покушалось на него без особой нужды. А такое, подчеркнем, случалось нечасто. Хотя бы относительная независимость издателя от правительства зиждилась на законном праве торговца не торговать себе в убыток.

Правительство, конечно, располагало средствами, чтобы финансировать литераторов, готовых реализовать его требования. А также издателей, согласных выпускать проправительственную литературу. Но опубликованное следовало еще и распространить в условиях конкуренции. Продать. А что не продано – не прочитано. Это омертвленный капитал.

Вот и приходилось российским правителям искать сотрудников и оценивать эффективность их деятельности по рыночным критериям. Прежде всего – реализации тиражей.

Если пользоваться современной терминологией, можно сказать, что бывали у правительства удачные проекты. Но все равно оппозиционеры выигрывали – по сумме достижений.

Меж тем росло количество издательств и периодических изданий, соответственно, аппарат предварительной цензуры становился более громоздким и дорогостоящим. И все менее эффективным: цензоры просто не успевали в приемлемые для издателей сроки контролировать готовящиеся публикации.

В итоге правительство упразднило предварительную цензуру. Заменяло ее карательной.

Достаточно широкими оказались полномочия карательной цензуры. При явном нарушении запрета цензор мог добиться закрытия периодического издания, ареста тиража газеты, журнала или книги, самого издателя, да и автора крамольного сочинения. Но, как в любой области торговли, принят был разрешительный принцип: что не запрещено – разрешено.

Законы рынка действовали. Литераторы, а также издатели могли выбирать, сотрудничать ли им с российским правительством.

Советское правительство радикально преобразовало литературный рынок. К началу 1930-х годов была создана новая издательская модель.

Правительство создавало ее поэтапно, закрывая одно за другим частные издательские предприятия. Книготорговые тоже.

Об этом и рассуждал в 1930 году О.Э. Мандельштам. Скорая публикация эссе «Четвертая проза» не входила в его планы, так что выражения он не выбирал: «Все произведения мировой литературы я делю на разрешенные и написанные без разрешения. Первые – это мразь, вторые – ворованный воздух»¹.

Речь шла не только и не столько о прошлом. В первую очередь современность подразумевалась. Для Мандельштама большинство его советских коллег – «писатели, которые пишут заранее разрешенные вещи».

Но в 1930 году хотя бы «ворованный воздух» был. Вскоре и такого не осталось, когда ликвидировали все частные издательства. Правительство, сохраняя функции цензора, стало монополистом в области собственно издательской, а также оптовой торговли полиграфическими изделиями.

Все издательские предприятия, включая периодические издания, аналогично и торговые организации стали государственными. Частных не было.

Формально считавшиеся общественными тоже были, по сути, государственными. Правительство их контролировало полностью – и организационно, и финансово.

Да, полиграфические изделия надлежало еще и продавать розничным покупателям. Но от результатов торговли издательские организации практически не зависели. Они финансировались государством, из его бюджета покрывались убытки.

Соответственно, доходы сотрудников издательских организаций не зависели от читательского спроса. На правительственном уровне опреде-

лялись и оклады редакционных служащих, и литературские гонорарные ставки. Аналогично – ассортимент полиграфических изделий, их тиражи, розничные цены.

Популярность уже не защищала литератора от произвола издателя. Эффективность издательской деятельности измерялась не в рублях. Советское правительство устранило влияние розничного покупателя на литературный процесс.

Новая издательская модель от досоветской принципиально отличалась. Финансово и организационно.

Прежде всего, руководители всех издательских предприятий уже не были издателями. Разумеется, в прежнем, досоветском толковании термина. Они – служащие. Как все их подчиненные. Сама идея предпринимательства исключалась.

Ну а цензурный институт оказался уже не вне издательской организации, а в ней самой. Функции цензоров были возложены на сотрудников редакций.

В ходе подготовки каждой публикации решались цензурные задачи. Само понятие «редактирование» обрело новый смысл. В досоветский период редакция – подготовка рукописи к типографскому циклу. Набору и печати. Советский же редактор был еще и первым цензором. На него возлагалась задача первичного контроля – эстетического и политического. А его начальник был второй контрольной инстанцией. Далее – вплоть до руководителя издательской организации. Последний контролер, соответственно, штатный цензор.

Опубликовать что-либо можно было только после многоступенчатого контроля. Получив разрешение каждой редакторской инстанции. От низшей до высшей.

С 1931 года советский литератор был лишен возможности выбирать, сотрудничать ли ему с правительством. Других издателей попросту не осталось.

Ключевой фигурой литературного процесса оказался редактор. Причем он имел право не только запрещать, но и предписывать.

В мемуарах вдовы Мандельштама, впервые опубликованных за границей почти четыре десятилетия спустя, немало внимания уделено ключевой фигуре советского литературного процесса. Разумеется, отношение к ней ироническое: «Основное звено, соединявшее литературу с высоким заказчиком, было редакторским аппаратом. Редактор с его непомерно разросшимися функциями возник в тот момент, когда его нормальная роль – определять лицо и позицию издательства, газеты, журнала – была начисто упразднена»².

Подчеркнем вновь, что правительство стало не просто «высоким заказчиком». Единственным.

Соответственно, у редакционных служащих – новые обязанности и права. О них и рассуждала Н.Я. Мандельштам: «Редактор, покорный проводник указаний, становился по отношению к автору чем-то вроде учителя, судьи и верховного начальника. В двадцатых годах они щеголяли хамством, но постепенно овладевали вежливостью, пока их вежливость не стала невыносимо наглой и явно покровительственной. Они почти моментально присвоили себе запретительные функции и выставили внутренний план запретов и поощрений, чтобы оградить себя от разноса в случае, если в изданной книге обнаружатся “идеологические ошибки”. Поскольку теория развивалась непрерывно и издание книги занимало довольно много времени, редактор научился учитывать будущее развитие и заранее расширять область запрещенного».

Не только «расширял область запрещенного». Еще и указывал, что следует добавить. И так было на каждой редакционной инстанции: «После цепочки редакторов, трудящихся над книгой, цензору оставалось только вылавливать блох, чтобы оправдать свой хлеб с маслом».

Штатные цензоры лишь контролировали деятельность контролеров-редакторов. Эффективность контроля многократно возросла.

Можно сказать, используя мандельштамовские дефиниции, что с введением новой издательской модели публиковалось и продавалось только «разрешенное».

Отчасти изменилось и представление о «разрешенном». Таковым ранее считалось незапрещенное, а после – только соответствовавшее правительственным установкам. Точнее, представлению о них «цепочки редакторов», готовивших публикацию.

Во всех советских газетах журналах, книгах – даты завершения редакционной, а затем типографской подготовки издания. Указывалось сначала, когда подготовленный редакцией материал сдан в набор, т.е. передан типографии. Ну а далее подписан в печать как подготовленный к тиражированию.

Обе даты были постольку необходимы, поскольку за время подготовки к тиражированию могли измениться пропагандистские установки. Изменения эти полагалось учитывать – редакторам и штатным цензорам.

Принятое для публикации должно было соответствовать установкам, актуальным к моменту завершения редакционного цикла. Когда он завершен – указывала первая дата, следовавшая за ритуальной формулой «сдано в набор».

Если установки менялись, извещенный об изменениях штатный цензор обязан был не допустить тиражирование подготовленного типографией материала. Тогда публикация запрещалась вовсе, либо редакция приводила ее в соответствие с новыми указаниями. Вторая дата, обозначающая

срок завершения проверки, следовала за другой ритуальной формулой «подписано в печать».

Так определялись хронологические границы ответственности. В частности, поэтому и называли руководителей издательских организаций «ответственными редакторами».

С 1931 года профессиональным литератором мог стать и оставаться лишь тот, кто был согласен каждый раз просить редакторов о «разрешении», а в дальнейшем следовать их распоряжениям. Несогласные выбирали другую профессию.

Гипотетически допустимо, чтоб такую издательскую модель советское правительство сумело ввести еще в 1917 году. Но путь к идеалу оказался постольку долгим, поскольку механизм управления литературой был создан, как говорится, методом проб и ошибок.

Полпути к идеалу

Еще в 1917 году начинало советское правительство с ликвидации откровенно враждебных ему периодических изданий. Это вполне обычный метод борьбы с оппозиционерами.

Постепенно закрыты были практически все газеты и журналы, не выказавшие лояльность новому режиму. Но обещано, что с его упрочением прекратятся «стеснения печати»³.

Отчаянные протесты литераторов, художников и ученых не меняли ничего. Совет народных комиссаров пренебрегал мнением протестовавших. Они были меньшинством, да еще и безоружным.

Что до большинства населения, то его не интересовал вопрос о «стеснениях печати». Оно любую власть поддерживало, если та гарантировала порядок. Совнарком же обещал не только стабильность, но и в ближайшей перспективе «царство справедливости».

Закономерен был итог. До осени 1918 года закрыто более пятисот российских газет, журналов, альманахов⁴.

Для литераторов-профессионалов – удар тяжелейший. Все они печатались в газетах и журналах. От поступления рукописи в газетную или журнальную редакцию до выплаты гонорара срок невелик, так что публикации в периодике были основным источником литераторских доходов. Вот эту ситуацию изменило советское правительство.

На книжном рынке оно действовало аналогичным образом. Постепенно ликвидировало издательства, выпускавшие книги. Так менялась финансовая основа литературного процесса, обеспечивавшая хотя бы относительную независимость литераторов от правительства.

В 1919 году завершилась национализация целлюлозно-бумажных фабрик и типографий. Правительство стало монополистом и в этой области. Любое периодическое издание, равным образом издательство местные администраторы могли даже не закрыть, а просто до самоликвидации довести, не продавая издателю бумагу, а если та уже была куплена, так не позволяя разместить заказ в типографиях или увеличивая расценки типографских работ для частных заказчиков.

Советское правительство действовало целесообразно. Пользуясь поздней терминологией, можно сказать, что монополизация информационного поля обеспечивала высокую эффективность пропаганды. Опыт доказывает: чуть ли не любая эффективна – если оппоненты не располагают средствами массовой информации.

Правда, в отношении частных издательств политика отчасти изменилась. Опять же по соображениям целесообразности.

Не справлялось с порученными задачами Государственное издательство, образованное при Народном комиссариате по просвещению 20 мая 1919 года. Оно, согласно плану, должно было стать издательским концерном, контролировавшим всю полиграфическую базу и соответствующую продукцию, а получилось иначе.

Госиздатовские сотрудники более или менее успешно решали только задачи предварительной цензуры. Однако не могли обеспечить бесперебойный выпуск изданий, нужных правительству. Типографии простаивали из-за отсутствия бумаги, при этом на складах оставались ее неучтенные запасы.

Простои типографий из-за отсутствия сырья – результат закономерный. Служащие издательских отделов, получившие распоряжение найти бумагу, часто пренебрегали своими обязанностями: мизерной оплата была.

Обычно задача поиска решалась канцелярски. Служащий рассылал письменные запросы по известным ему складам и, если получал отказы, докладывал начальству. Документация подтверждала: хоть приказ и не выполнен, исполнитель не виноват. За время хождения писем могли, конечно, поступить с фабрик новые партии бумаги, только от этого не менялось ничего.

Разве что энтузиастов интересовал результат. Но энтузиазм выручал отнюдь не всегда.

Многие государственные заказы выполнялись частниками. Они разыскивали неучтенные запасы бумаги на складах, выкупали ее у госиздатовских учреждений, затем добивались разрешения обратиться в бездействовавшие типографии. Ну а там работа оплачивалась по договоренности.

Госиздатовские же учреждения постоянно конфликтовали с печатниками. Низкими были официально утверждавшиеся тарифы на типографские работы, и рабочие весьма часто саботировали выполнение заказов. Ссылались на поломки изношенного оборудования, дефицит запасных деталей, в общем, причин хватало.

Частных же издателей результат интересовал, а не возможность оправдаться перед начальством. Потому с их существованием правительство было вынуждено мириться.

Двойственной была государственная политика. Можно сказать, противоречивой. Цензурой и налогами буквально душили частных издателей, при этом к ним же обращались, когда требовалось срочно решить правительственную задачу.

Ну а профессиональные литераторы в большинстве своем оказались вне профессии. Те, кто не сумели поступить на службу в какие-нибудь учреждения или не отыскивали иной способ заработка, бедствовали. Голодали, умирали. От безработицы и угрозы голодной смерти многие спасались бегством из Российской Советской Федеративной Социалистической Республики.

Исход литераторов стал массовым. Разумеется, вне территории, контролируемой советским правительством, было не больше типографий и запасов бумаги, зато газеты, журналы, книги издавались, пусть и не в прежних количествах.

Но Гражданская война закончилась, и не пожелавшие эмигрировать либо не успевшие оказались на советской территории. Правда, были надежды на перемены к лучшему. Все же В.И. Ленин как председатель СНК обещал, что «стеснения печати» отменят, едва советский режим укрепитя.

Задача стабилизации режима была уже решена советским правительством. Нерешенной оставалась другая, считавшаяся не менее важной. Так называемая мировая революция.

Война с Польшей в 1920 году завершилась отступлением советских войск. И правительство было вынуждено отложить планы экспансии в Европу и «мировой революции».

Деактуализовалась и прежняя административная политика. Так называемый военный коммунизм.

Как известно, политикой «военного коммунизма» предусматривалось запрещение свободной торговли продовольствием. Все запасы распределялись правительством, создавшим, можно сказать, линейку пайкового обеспечения – в зависимости от административного статуса каждого гражданина.

Продовольствие же насильственно изымалось у крестьян, что пропагандистски обосновывалось как мера временная, обусловленная войной.

Результат – сокращение посевов, затем голод. Продовольственный дефицит рос. Дефицитными стали и промышленные товары. Их производство тоже сократилось.

Недовольных было немало, однако для подавления любых форм сопротивления заблаговременно подготовлен эффективный инструмент. Еще в декабре 1917 года под руководством Ф.Э. Дзержинского началось формирование Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией.

Пропагандистски обеспечивались любые чрезвычайные меры. В частности, официально декларированные 5 сентября 1918 года Постановлением СНК «О красном терроре»⁵.

Согласно этому документу, надлежало расстреливать всех, кто состояли в антиправительственных организациях либо не донесли о таковых. Ну а потенциально нелояльных – изолировать в уже созданных концентрационных лагерях.

Основным инструментом была, конечно, ВЧК. Что и указывалось в совнаркомовском постановлении. Однако днем ранее Г.И. Петровский, возглавлявший Народный комиссариат внутренних дел, распорядился телеграфно разослать по всем нижестоящим инстанциям документ, благодаря которому существенно дополнился инструментарий «красного террора». Это печально знаменитый «Приказ о заложниках»⁶.

Нарком утверждал, что взятие заложников из среды нелояльных советских граждан и массовые расстрелы их – мера ответная. Необходимая как противодействие аналогичным действиям вооруженных сил противника.

Тем не менее заложничество применялось для решения практически любых задач. Например, обеспечения мобилизации в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию, изъятия у крестьян продовольствия, привлечения их к расчистке железнодорожных путей от снежных заносов и т.д.

«Красный террор» был весьма эффективен при соответствующем пропагандистском обеспечении. Оно и обеспечивалось информационной монополией. Стандартная аргументация – ссылки на обстоятельства войны, жестокость противника. В относительно же мирное время прежняя откровенность оказалась неуместной.

Правительство не раз декларировало, что от расстрелов отказывается чуть ли не вовсе. Но где «военный коммунизм», там и «красный террор». По-другому не получалось.

Лишь в марте 1921 года было объявлено, что «военный коммунизм» не актуален. Декларировалась «новая экономическая политика»⁷.

Особо новой она, конечно, не стала. Постольку и пришлось от «военного коммунизма» отказаться, поскольку у советских администраторов не

было опыта, необходимого для решения непривычных задач восстановления сельского хозяйства и промышленности. Соответственно, правительство сняло запрет на торговлю продовольствием, а также ряд ограничений в области частного предпринимательства.

В феврале 1922 года, как известно, упразднена и ВЧК. Переименована в Государственное политическое управление при НКВД.

Очевидна в данном случае прагматика. Сама аббревиатура упраздненной организации была одиозна – как символ «красного террора».

Тем не менее результаты декларируемых правительством экономических реформ были заметны в 1922 году. Пайковая система обеспечения почти что ушла в прошлое.

Зато в издательской сфере изменений практически не было. Частных издательств становилось все меньше. Действовали прежние ограничения, вводились новые, хотя правительству срочно требовались и деньги, и полиграфические изделия.

Госиздатовское руководство по-прежнему не справлялось с поставленными задачами. Да еще и пыталось устранить конкурентов, для чего добивалось окончательного запрета частных издательств.

Конкуренция мешала. Потому госиздатовское руководство все чаще использовало аргументы политического характера. Например, заявляло, что издатели-частники уже постольку вредны, поскольку с их помощью литераторы получают возможность уклониться от сотрудничества с правительственными учреждениями⁸.

Аргументация вполне соответствовала базовым политическим установкам. Вот только задачи, поставленные советским правительством, оставались нерешенными.

Так, 12 ноября 1920 года по указанию СНК при Наркомпросе сформирован Главный политико-просветительный комитет, одной из основных задач которого была тогда подготовка новых периодических изданий, но план выпуска первого «толстого» ежемесячного журнала рассмотрен через три месяца. Быстрее не получалось в условиях «военного коммунизма»⁹.

Как известно, новому журналу дали вполне оригинальное название – «Красная новь». И редакционно-издательской подготовкой руководил не просто большевик, а журналист и партийный функционер с шестнадцатилетним стажем А.К. Воронский.

Он был именно энтузиастом. И все равно дальше плана дело не шло до объявления пресловутой «новой экономической политики».

Лишь тогда Воронский добился права увеличивать литературские гонорары и оплату типографских работ. Благодаря чему за тринадцать месяцев удалось выпустить хотя бы четыре номера. Успех весьма скромный.

Обходной путь

Советское правительство намеревалось сделать литературу источником дохода, а не статьей расхода, как в период «военного коммунизма». Потому и востребованным стал опыт частных издателей.

В 1922 году правительство вынуждено было признать, что аргументация госиздатовских руководителей сводится к оправданию их же организационной беспомощности. Началось реформирование правовой базы¹⁰.

Уцелевшим частным издательствам разрешили беспрепятственно приобретать бумагу и размещать заказы в типографиях. Правда, цены были выше, чем для государственных издательских организаций.

Существенно упрощена была регистрация новых частных издательств. Книжный дефицит рос, вот правительству и понадобились срочные реформы.

Госиздат тоже реформировали. Оценка его деятельности подразумевала критерий рентабельности. Учитывалась актуализовавшаяся досоветская установка: что не продано – не прочитано.

Иным стало положение литераторов-профессионалов. Новые заказчики появились. Разумеется, такие результаты правительство считало нежелательными, однако с ними приходилось мириться. Иначе не получалось активизировать издательскую деятельность.

Увеличение количества частных издательств обусловило и рост цензурного аппарата. Госиздатовские сотрудники уже не успевали контролировать все публикации. Но о цензуре как таковой не полагалось упоминать в официальных документах – «атрибут полицейского государства».

Полиции формально не было в советском государстве. Упразднили сразу. Но без нее обойтись не удалось. Функции полицейского аппарата возлагались на Рабоче-крестьянскую милицию, формировавшуюся с октября 1918 года в составе НКВД¹¹.

Аналогично поступили с цензурой. В соответствии с декретом СНК 6 июня 1922 года учреждено Главное управление по делам литературы и издательства при Наркомпросе¹².

Это учреждение именовали сокращенно: Главлит. Его задача – предварительная цензура всех публикаций, что готовили частные издатели, да и большинство государственных учреждений.

Вне предварительного контроля оказалась лишь небольшая группа издательских организаций – партийные, главполитпросветовские и т.п. Там ответственность возлагалась на руководителя.

Примерно тогда же в государственных издательских организациях началось формирование редакторского корпуса с новыми функциями. Редактор, как выше отмечено, стал первым цензором.

Соблюдение цензурных установок обеспечивалась и юридически. 1 июня 1922 года Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет принял постановление «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР»¹³.

Правительство следовало имперским образцам, вот и понадобилось кодифицированное законодательство. В декабре 1922 года было объявлено о создании нового государства – Союза Советских Социалистических Республик. Соответственно, образцом для всех республиканских уголовных кодексов стал российский.

Идею тотального политического контроля выражала статья 57. Она гласила: «Контрреволюционным признается всякое действие, направленное на свержение завоеванной пролетарской революцией власти рабоче-крестьянских Советов и существующего на основании Конституции РСФСР Рабоче-крестьянского правительства, а также действия в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к ее свержению путем интервенции или блокады, шпионажа, финансирования прессы и т.п. средствами».

Что значит «действия в направлении помощи», а также «и т.п. средства», не пояснялось. Невнятность формулировок отнюдь не случайна. Она и позволяла считать нарушением закона все, что сочтут таковым правоприменители.

К деятельности литераторов непосредственно относилась статья 70. Она предусматривала уголовную ответственность за «пропаганду и агитацию в направлении помощи международной буржуазии, указанной в ст. 57». Формулировка опять продуманно-невнятная, следовательно, интерпретации не ограничивались.

Таким образом, первый УК РСФСР предоставил следователям и судьям полную свободу. Однако и это было сочтено недостаточным. 10 августа 1922 года ВЦИК принял декрет, позволявший НКВД «установить высылку за границу или в определенные местности РСФСР в административном порядке»¹⁴.

Отсюда следовало, что сотрудники подразделений НКВД имеют право без суда высылать граждан из определенных районов либо ссылать куда-либо только на основании подозрений. Не утруждая себя поиском улик.

Полномочия сотрудников НКВД были вскоре расширены. 16 декабря 1922 года ВЦИК позволил специальной комиссии, созданной при НКВД, без суда «высылать и заключать в лагерь»¹⁵.

Речь шла о так называемых лагерях принудительного труда. Они, согласно Постановлению ВЦИК, создавались в каждой губернии с апреля 1919 года¹⁶.

Высылке либо ссылке или заключению в лагерь подлежали в первую очередь нелояльные. Такова была профилактика антиправительственной пропаганды. Вот почему уже в начале 1920-х годов литераторы внимательно читали правовые документы. Не из любопытства, а выживания ради.

Они привыкали угадывать интенции законодателей. Недогадливым же правительство внятно обозначило угрозу: 31 августа 1922 года «Правда» опубликовала статью «Первое предостережение», где сообщалось о высылке из РСФСР большой группы литераторов и ученых, именуемых «наиболее активными буржуазными идеологами»¹⁷.

В европейские порты на иностранных пароходах были отправлены известные ученые и литераторы. Правительство сочло неуместными аресты – в аспекте репутации нэповского режима.

Стоит подчеркнуть, что высланным еще повезло. Отнюдь не каждый желал эмигрировать, зато они все оказались недостижимыми для энтузиастов скорострельной отечественной юстиции. Тоже утешение.

Да и не просто было эмигрировать из советского государства. Выразившие такое намерение сильно рисковали – ведь это демонстрация нелояльности.

Сама высылка «буржуазных идеологов» стала именно предупреждением. Разумеется, не тем, кто покинули отечество на так называемых философских пароходах.

Предупреждены были все прочие интеллектуалы, не добившиеся европейской известности. Это они должны были уяснить и уяснили, что их перспектива не Европа, но, как формулировалось в Российской империи, «места, не столь отдаленные Сибири».

Всем писателям, желавшим избежать ссылки или высылки, надлежало хотя бы обозначить лояльность правительству. Как тогда говорили, «стать на платформу Советской власти».

Казалось бы, не так много и требовалось. Большевицкая победа не вызывала сомнений, надлежало только признать реальность. Таково было условие профессиональной деятельности. Даже и при сотрудничестве с частными издательскими организациями.

9 февраля 1923 года в Наркомпросе сформирован Главный репертуарный комитет. Задача – предварительный контроль всего, что предназначалось для публичного исполнения.

В 1923 году советское правительство создало аппарат контроля, по структуре, масштабу и эффективности несопоставимый с досоветскими аналогами. Цензура была и предварительной, и карательной, причем без установленных законодательно ограничений.

Чекисты, разумеется, тоже следили за искусством. В ГПУ был создан специальный отдел, контролировавший деятельность Главлита и Главреперткома.

Уровень допустимого в печати определялся не только цензурными запретами или редакторскими опасениями. Главную роль играла самоцензура литераторов.

Тем не менее литературный процесс значительно интенсифицировался. Советское правительство уже не сметало все преграды, стремясь к идеалу, обозначенному в эпоху «военного коммунизма». Можно сказать, двинулось обходным путем. Вот почему 1923 год считается началом расцвета советской литературы. С легкой руки К.Г. Паустовского литературоведы даже называли этот рубеж «временем больших ожиданий»¹⁸.

Очевидны были некоторые перемены к лучшему. Появились новые издательства, периодические издания. Что до внесудебных ссылок, высылки, заключения под стражу, так все перечисленные меры борьбы с крамолой практиковались и в Российской империи. Ну, разве что за границу не высылали.

Судя по мемуарным свидетельствам, многие литераторы надеялись, что в ближайшей перспективе – независимость от правительства. Хотя бы относительная.

У советских идеологов были на этот счет иные планы. Так, Л.Д. Троцкий в 1923 году выпустил составленную из газетных статей книгу «Литература и революция», где «подводил итоги и намечал перспективы»¹⁹.

Как известно, Троцкий в ту пору – не только народный комиссар по военным и морским делам. Он считался ближайшим помощником Ленина. Портреты обоих висели рядом в каждом советском учреждении. Считалось забытым, что некогда они были непримиримыми оппонентами.

Впрочем, их отношения были изначально дружескими. Оба примкнули к созданной в 1898 году Российской социал-демократической рабочей партии, которая разделилась пять лет спустя на две фракции: большевиков и меньшевиков.

Троцкий изначально был союзником возглавившего радикалов-большевиков Ленина. Но спустя год стал одним из главных его оппонентов, примкнув к меньшевикам.

Весной 1917 года меньшевик Троцкий опять стал большевиком и вскоре доказал на деле, что в качестве организатора превосходит ближайших ленинских помощников.

Ленин, как известно, поручал Троцкому решение самых важных задач. Тот неизменно решал их – большевистские методы использовал.

С марта 1918 года четко обозначен разрыв с прежней – социал-демократической – традицией. Переименована была захватившая власть партия.

Ленин был по-прежнему главным идеологом, но уже Российской коммунистической партии. Соотнесенность с досоветскими идеологическими установками указывалось на уровне добавления в скобках – большевиков. Так и утвердилась новая аббревиатура: РКП (б).

Год спустя Троцкий стал, можно сказать, вторым первым в РКП (б). Причем не только как организатор-практик, но и еще и теоретик. Идеолог.

В цитируемой книге Троцкий постулировал, что литературный процесс кардинально изменился с приходом большевиков к власти в октябре 1917 года. Это «не могло не стать – и стало – крушением дооктябрьской литературы».

Слово «крушение» использовано отнюдь не случайно. По Троцкому, литература «после Октября хотела притвориться, что ничего особенного не произошло и что это вообще ее не касается. Но как-то вышло так, что Октябрь принялся хозяйничать в литературе, сортировать и тасовать ее, – и вовсе не только в административном, а еще в каком-то более глубоком смысле».

В начале 1920-х годов не требовалось объяснять, что означает «вышло так» и в каком именно «более глубоком смысле» принялось советское правительство «хозяйничать в литературе». Троцкий определил суть изменений. Принципиально иными стали отношения литераторов с представителями власти.

Да, в 1923 году у литераторов еще была альтернатива – эмиграция. За границей эмигранты выпускали русские газеты, журналы, книги. Но, подчеркнем еще раз, не так уж просто было эмигрировать официально. Далеко не все желавшие получали разрешение. А неудачная попытка с необходимостью подразумевала в дальнейшем особое внимание сотрудников ГПУ. Их по-прежнему именовали чекистами.

Кроме того, за границей русских издателей было гораздо меньше, нежели в советском государстве. Читателей тоже. Вот и доходы эмигрантов-литераторов оказались несоизмеримыми с заработками советских коллег. Даже и для прежних знаменитостей эмиграция – бедность.

В цитируемой книге Троцкий об эмигрантской литературе отзывался с презрением. Не жаловал и писателей, не эмигрировавших, но пытавшихся избежать сотрудничества с новым режимом, называл их «внутренними эмигрантами революции».

Помимо «внутренних эмигрантов» Троцкий указал еще одну категорию – недавно дебютировавших литераторов, тоже не спешивших обозначить лояльность советскому правительству. Их назвал «внеоктябрьскими молодыми».

Согласно Троцкому, установление советского режима задержало дебют «внеоктябрьских молодых». А потому «время от времени они отводят душу показыванием небольшого и нетемпераментного кукиша в кармане».

Прозрачным был намек: представители контролирующих инстанций замечают все, и лишь постольку не карают за «кукиш», поскольку опасность не считают значительной. Однако, утверждал Троцкий, «вне-октябрьских молодых» совсем немного. Большинство литераторов нейтрально. Таких он именовал «присоединившимися».

Этот термин, по словам Троцкого, был не нов. Так в эпоху Великой французской революции «называли бывших роялистов, примирившихся с республикой. Они отказались от борьбы за короля, даже от надежд на него, и лояльно перевели свой роялизм на республиканский язык».

В данном случае неважно, прав ли Троцкий. А важно, что у «присоединившихся» не было, по его словам, идеологии. Это «замиренные обыватели от искусства, зауряд-службисты, иногда не бездарные».

Кстати, оборот «зауряд-службисты» напоминал современникам о до-советских реалиях. Сверхсрочнослужащим унтер-офицерам русской армии присваивался – в качестве поощрения – чин зауряд-прапорщика.

Формально он не был эквивалентен чину прапорщика, т.е. первому офицерскому. Зато повышал административный статус «исправного служаки».

Только опытные сверхсрочнослужащие могли стать зауряд-прапорщиками. Они порою замещали должности младших офицеров. Потому как знали службу досконально и служить хотели.

Вот чем, согласно Троцкому, ценны «зауряд-службисты». Они «пойдут навозом под новую культуру. А это не так мало».

Суждения Троцкого отражали прагматику литературной политики в нэповскую эпоху. Он демонстрировал «хозяйский» подход к литературе: сорняки вон с поля, а что не в закрома – на удобрение.

Это и было усвоено литераторами. Они – в большинстве – стали другими, лишь отдаленно похожими на досоветских. Что опять же акцентировалось замечанием Троцкого относительно «небольшого и нетемперamentного кукиша в кармане». На большее не решались.

Конкуренция идеологов

Вошедшие в книгу «Литература и революция» статьи Троцкого считались тогда программными. Вариант так называемый новой экономической политики в литературе.

Троцкий не только ее характеризовал. Кроме прочего, объяснял, в силу каких причин отказалось советское правительство от создания так называемой пролетарской культуры.

Объяснение требовалось. Еще тремя годами ранее одна из декларированных задач советского правительства – создание пролетарской культу-

ры. И это было постольку закономерно, поскольку большевистские идеологи объявили себя истинными последователями К. Маркса и Ф. Энгельса.

Ссылки на марксистскую доктрину – обязательный элемент при обсуждении вопросов теории. Вот и Троцкий начал с экспликации общеизвестных установок: «Каждый господствующий класс создает свою культуру и, следовательно, свое искусство. История знала рабовладельческие культуры Востока и классической древности, феодальную культуру европейского средневековья, буржуазную культуру, ныне владеющую миром. Отсюда уже как бы само собой вытекает, что и пролетариат должен создать свою культуру и свое искусство»²⁰.

Умолчал же наркомвоенмор о том, что проблема создания пролетарской культуры ставилась еще в начале 1900-х годов. Как известно, А.В. Луначарский был одним из инициаторов, хотя главным теоретиком считался А.А. Богданов.

Правда, в начале 1910-х годов Богданов вне партии. Это было обусловлено разногласиями с Лениным, не терпевшим конкурентов²¹.

Тем не менее Богданов и Луначарский оставались во многом единомышленниками. Оба продолжали разрабатывать концепции пролетарской культуры.

Для Богданова это была лишь частная задача. Цель – создание так называемой всеобщей организационной науки²².

Медик по образованию, он рассматривал задачи, решавшиеся в науке, культуре, политике, именно как организационные. Спустя десятилетия его признают одним из основоположников теории систем и системного анализа.

По Богданову, созданию пролетарской культуры должна была предшествовать общеобразовательная подготовка рабочих. Так что первоочередными он считал просветительские задачи.

Большевистскому руководству концепции пролетарской культуры стали интересны лишь с падением самодержавия в феврале 1917 года. Планировалась тогда подготовка рабочих для расширения административных структур партии.

Меж тем Богданов и его последователи уже действовали. К лету 1917 года энтузиасты сформировали при многих петроградских фабричных и заводских профсоюзных комитетах так называемые пролетарские культурно-просветительные организации.

Фабрично-заводские профсоюзные комитеты и стали финансовой основой самообразования. Отпускали средства для оплаты преподавателей, работавших в местных «ячейках».

С установлением советской власти сеть подобного рода организаций, получившую официальное название Пролеткульт, контролировал и финансировал Наркомпрос. А его возглавлял Луначарский.

Что конкретно требовать от Пролеткульта, как управлять его деятельностью, советское правительство еще не решило. Административными проблемами занимались пролеткультовские лидеры. Прежде всего – Богданов. Он хоть и утратил партийный статус, зато сохранил авторитет теоретика и организатора.

Пролеткульт развивался, с его организациями сотрудничали многие известные писатели, художники, актеры, ученые. За паек или денежное вознаграждение вели занятия в «студиях» и «кружках».

Были среди «кружковцев» и «студийцев» не только бескорыстные. Нашлись и весьма предприимчивые, быстро уяснившие, что немалые льготы в литературной конкуренции обеспечивает «социальное происхождение».

Соответствующие программные установки официально были приняты в начале лета 1918 года на Третьей общегородской конференции Пролеткульта. Важным документом считалась резолюция, опубликованная тогда журналом «Грядущее». Ее первый пункт гласил: «Пролетарская культура, выражая собою внутреннее содержание нового творца жизни – пролетариата – и конечного его идеала – социализма, – может строиться только самостоятельными силами того же пролетариата»²³.

Если пользоваться современной терминологией, это был новый бренд. Наиболее предприимчивые из «студийцев» и «кружковцев» ориентировались на приемы, ставшие традиционными как в Российской империи, так и за границей.

Бренд на литературном рынке подразумевал уникальное торговое предложение, адресованное читателям. Такой прием использовали символисты, футуристы, акмеисты и прочие сообщества литераторов²⁴.

Уникальное торговое предложение формулировалось в программных документах, которые обязательно публиковались. Таким образом читателя оповещали, какие преимущества сулит приобретение соответствующих изданий: новое эзотерическое знание, приобщение к современной интеллектуальной элите и т.п. Вполне традиционный рекламный прием, но – в литературе.

Разумеется, поэтам и прозаикам не требовалось создавать какое-либо сообщество для решения собственно литературных задач. Бренд и декларация нужны, чтобы решать задачи рыночные.

Как водится, успех начинания зависел от реализаторов программы – литераторов. И отнюдь не всегда их публикации отражали декларирувавшиеся теоретические установки.

Предприимчивые «кружковцы» и «студийцы» использовали бренд и опубликовали декларацию, содержащую уникальное торговое предложение – создание «пролетарской культуры». Вроде бы все, как раньше.

Но очевидно и принципиальное различие. Уникальное торговое предложение было адресовано не розничному покупателю, а советскому правительству.

Такой выбор закономерен. Правительство уже стало главным финансистом. Вот ему и объясняли авторы декларации, что решают задачи государственные. За это финансирование получают и в дальнейшем получать намерены.

Богданов не вступал в полемику с предприимчивыми. Его мнению, да и то отчасти, соответствовал второй пункт резолюции: «Пролетариат, будучи полным распорядителем жизни, берет из культурных достижений прошлого все, что способствует устроению жизни на социалистических началах и что воспитывает пролетарские массы в боевом социалистическом духе».

Сначала – усвоение «культурных достижений». А потом, если знаний хватит, все прочее.

Но и предприимчивые не уступали. Августовский номер журнала «Грядущее» поместил сообщение об учредительном собрании Всероссийского союза пролетарских (рабочих) писателей в Московском пролеткульте²⁵.

Эта организация тоже получила государственное финансирование. Не слишком значительное, однако для развития хватало.

В так называемых ячейках Пролеткульта учились в большинстве своем беспартийные. Но были и коммунисты, а также состоявшие в Российском коммунистическом союзе молодежи, учрежденном 29 октября 1918 года.

Успехи Пролеткульта были несомненны. Численность его постоянно росла. Сотни тысяч «кружковцев» и «студийцев» посещали занятия.

Гражданская же война завершалась, и вот тут, если верить советской историографии, теоретические пролеткультовские установки обеспокоили Ленина. Начал он полемику, выступая 2 октября 1920 года на III Всероссийском съезде комсомола. Это выступление опубликовала «Правда»²⁶.

Ленин заявил, что главная задача комсомольцев – учиться. Обучению же мешают некие лжетеоретики, именующие себя марксистами: «Пролетарская культура не является выскочившей неизвестно откуда, не является выдумкой людей, называющих себя специалистами по пролетарской культуре. Это все сплошной вздор».

Противник был указан – «специалисты по пролетарской культуре». Значит, Богданов и его последователи.

Меры были приняты вскоре. Богданов оказался вне Пролеткульта. Решал позже задачи медицинские, включая те, которые советские идеологи считали весьма актуальными – увеличение продолжительности жизни. В итоге создал и возглавил Институт переливания крови²⁷.

Уход Богданова из Пролеткульта стал началом распада организации. Ленин же опять победил в интриге.

Но победил он благодаря административному ресурсу. Победу следовало обосновать теоретически. Решение этой задачи было поручено наркомвоенмору. Соответственно, Троцкий не раз подчеркивал, что свою концепцию советского литературного процесса создал по ленинской просьбе и при его же одобрении.

Троцкий не полемизировал с Богдановым непосредственно. Строил обходную риторическую конструкцию: «Формирование новой культуры вокруг господствующего класса требует, как свидетельствует история, большого времени и достигает завершенности в эпоху, предшествующую политическому упадку класса. Хватит ли у пролетариата попросту времени на создание “пролетарской культуры”? В отличие от режимов рабовладельцев, феодалов, буржуа, диктатуру свою пролетариат мыслит как кратковременную переходную эпоху. Когда мы хотим обличить слишком уж оптимистические воззрения на переход к социализму, мы напоминаем, что эпоха социальной революции будет длиться в мировом масштабе не месяцы, а годы и десятилетия – десятилетия, а не века и тем более не тысячелетия».

По словам Троцкого, «пролетарская культура» не могла сформироваться в досоветскую эпоху. И в советскую тоже времени прошло мало. Ну а вскоре победит «мировая революция», и «пролетариат будет растворяться в социалистическом общежитии, освобождаясь от своих классовых черт, т.е. переставая быть пролетариатом».

Общество станет вскоре бесклассовым, утверждал Троцкий. А коль так, «пролетарской культуры не только нет, но и не будет».

Согласно Троцкому, нет уже и предмета спора. Остались только терминологические проблемы: «Но, если отказаться от термина “пролетарская культура”, как же быть с... Пролеткультом? Давайте условимся, что Пролеткульт означает пролетарское культурничество, т.е. упорную борьбу за повышение культурного уровня рабочего класса. Право же, значение Пролеткульта от этого не уменьшится ни на йоту».

Троцкий обосновал ленинские инвективы в адрес богдановцев. Создал теоретическую базу. А заодно одернул предприимчивых, требовавших льгот за «социальное происхождение».

Согласно Троцкому, партия не собиралась решать задачу руководства литературой. Планировала лишь помогать литераторам, «ставя над всеми ими категорический критерий: за революцию или против революции, предоставлять им в области художественного самоопределения полную свободу».

Лишь в «области художественного самоопределения» предоставлялась свобода. Но хотя бы там – без ограничений: «Область искусства не такая, где партия призвана командовать. Она может и должна ограждать, содей-

ствовать и лишь косвенно – руководить. Она может и должна оказывать условный кредит своего доверия разным художественным группировкам, стремящимся ближе подойти к революции, чтобы помочь ее художественному оформлению. И уж во всяком случае, партия не может стать и не станет на позицию литературного кружка, борющегося, отчасти просто конкурирующего с другими литературными кружками»²⁸.

Сказанное о «позиции литературного кружка» относилось к «пролетарским писателям». Результаты их усилий Троцкий характеризовал пренебрежительно: «ученичество».

Отсюда следовало, что в литературе главное – получить результаты, нужные партии. А требовать льготы, ссылаясь на «социальное происхождение», уже неуместно. Их не будет.

Ничего принципиально нового Троцкий не сказал. Лишь обозначил проблему, уже осознанную и решавшуюся партийным руководством.

Советское правительство накопило за три года опыт подавления, но в нэповских условиях требовалось наладить своего рода производство литературы. Потому эффективность государственной издательской деятельности и оценивалась коммерчески. Что не продано – не прочитано. Мнение розничного покупателя опять стало значимым фактором литературного процесса.

Нужны были меры, позволяющие сохранить, так сказать, идеологически-коммерческое господство. Вот наркомвоенмор и утверждал: в литературе нужны специалисты.

Троцкий ориентировался, прежде всего, на собственный административный опыт. Военный.

Как известно, весной 1918 года едва ли не главной организационной проблемой РККА стал дефицит командного состава. Новоназначенные или же избранные начальники не обладали соответствующим опытом. А по инициативе Троцкого, ставшего тогда наркомвоенмором, правительство мобилизовало тысячи бывших офицеров. Сами они не командовали. Их задача – консультировать новых «красных командиров».

В РККА появилась новая должность. Официальное именование – «военный специалист».

За лояльность «военспецов» отвечали их семьи. Гарантия надежная.

Однако Троцкий использовал не только террористические методы. «Военспецов» привлекали и стабильно высоким жалованьем, и щедрыми пайками, и прочими льготами.

Ну а для контроля Троцкий создал институт военных комиссаров – наделенных чрезвычайными полномочиями коммунистов, без согласия которых «краскомы» не имели права отдавать приказы. Комиссарской обязанностью было и воспитание подчиненных.

«Военспецы», контролируемые «военкомами», сыграли решающую роль в организации РККА, они же и преподавали на так называемых курсах, где учились будущие «краскомы».

Этот опыт, по достоинству оцененный Лениным, использовался в промышленности и на транспорте. Правда, критерий отбора литературных «спецов» оказался более сложным. Чины и дипломы не имели значения.

Критерий литературного профессионализма стал коммерческим. «Спец» тот, чьи сочинения готов приобрести розничный покупатель.

Альтернативное проектирование

Троцкий сформулировал основные установки в области литературного процесса. Реализация же их началась до газетной публикации статей, вошедших в книгу «Литература и революция».

Воронский стал первым «литературным комиссаром». Его считали креатурой Ленина, одобренной Троцким.

«Ответственный редактор» журнала «Красная новь» успешно решал поставленную задачу: привлекал к сотрудничеству литераторов-профессионалов, декларировавших лояльность новому режиму. Их Троцкий именвал «литературными попутчиками революции»²⁹.

Термин был из обихода социал-демократов. «Попутчиками» называли тех, кто считали себя противниками существовавшего режима, значит, союзниками партии, однако не были готовы присоединиться к ней в деле окончательного – революционного преобразования общества.

Воронский, добившийся известности еще и в качестве литературного критика, ориентировался прежде всего на «попутчиков». И популярность журнала «Красная новь», а также организованного при нем кооперативного издательства писателей «Круг» росла стремительно.

Но вскоре стали заметны результаты очередной политической эволюции. У Воронского объявились влиятельные и весьма агрессивные оппоненты.

Эволюция была следствием интриг на уровне высшего большевистского руководства – Политического бюро Центрального комитета РКП (б). Там сформировалась группа противников Троцкого.

К началу 1920-х годов его популярность была с ленинской вполне сравнима, а Ленин часто болел, постепенно терял управление партией, вот и пытался найти своего рода противовес влиянию Троцкого. В первую очередь – на административном уровне.

Деликатный был вопрос. Как известно, Ленин предложил И.В. Сталину занять пост генерального секретаря ЦК партии.

Это еще не означает, что Сталин в 1922 году возглавил РКП (б). Ему была поручена, так сказать, партийная канцелярия. Основа влияния генсека – право выбора коммунистов, назначаемых на высшие должности в административной структуре.

В итоге Сталин и определял расстановку кандидатур на все ключевые должности, а Ленин оказался изолированным. Он более не мог контролировать соперничество группировок в партийной элите.

Правда, Сталин еще не был так популярен, как Ленин или Троцкий. А потому искал влиятельных союзников, тоже считавших наркомвоенмор конкурентом.

Как известно, генсек, Л.Б. Каменев и Г.Е. Зиновьев заключили тайный союз. Так называемый триумvirат.

Ни один из «триумвиров» не мог бы тогда стать преемником болевшего Ленина, зато вместе Сталин, Зиновьев и Каменев обладали достаточным влиянием, чтобы дискредитировать Троцкого.

Все его инициативы в любой области сразу блокировали «триумвиры». Литература же традиционно была одним из главных пропагандистских инструментов.

Троцкий интригами пренебрегал тогда. К тому же он болел, с 1921 года постоянно лечился на южных курортах, что весьма способствовало успеху «триумвиров» в партийной интриге.

Прежнее влияние наркомвоенмор вскоре утратил. Его ближайших помощников постепенно заменили сталинские креатуры.

Если пользоваться современной терминологией, «Красную новь» и «Крут» можно назвать проектами Воронского, реализовавшимися благодаря покровительству наркомвоенмора. А успех креатуры Троцкого не входил в планы «триумвирата».

Соответственно, планировались альтернативные проекты. Если Троцкий утверждал, что пролетарской литературы нет, следовало доказать обратное.

В мае 1922 года вышел первый номер журнала «Молодая гвардия». Его статус обозначен был перечнем указанных на обложке издателей: ЦК РКП (б) и ЦК РКСМ.

У «Молодой гвардии» появилось и собственное издательство. А также одноименное литературное объединение. Затем его лидеры сформировали группу «Октябрь», инициировавшую 1-ю Московскую конференцию пролетарских писателей в марте 1923 года.

Главный результат – принятие так называемой идеологической и художественной платформы группы «Октябрь». Напечатал ее журнал Московской ассоциации пролетарских писателей «На посту» в первом (июньском) номере 1923 года³⁰.